

**О МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ
СТРАТЕГИЙ РОССИИ В XXI ВЕКЕ**

**Статья опубликована в журнале
Социологические исследования, 2012, № 8, с. 147–156**

Проблемы развития нашей страны и осмысления ее истории продолжают занимать умы как отечественных, так и зарубежных ученых. В 2011 г. вышла новая книга известного философа и социолога профессора Н.С. Розова «Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке» [1]. Есть основания полагать, что это – значительный шаг в научном и общественно-политическом обсуждении проблем развития нашей страны за последние несколько лет. Прошло еще не так много времени, чтобы попытаться оценить реакцию ученого сообщества, но ясно одно – книга не будет оставлена вниманием экспертов и всех, интересующихся проблемами современной России.

Соглашаясь с большинством положений, касающихся и весьма жестких оценок текущих тенденций развития современного российского общества, и неутешительных выводов относительно его перспектив, и мировоззренческой позиции автора относительно фундаментальных ценностей, и научных критериев и норм, мы сосредоточимся здесь на том, что имеет принципиальное методологическое значение. Оттолкнемся от основных метафор, на наш взгляд, весьма удачно использованных в названии книги. «Колея» и «перевал» указывают на наличие некоей точки невозвращения, которую надо пройти в процессе развития, и главная мысль автора здесь однозначна: современной Россией эта точка еще далеко не пройдена, и ее прохождение – огромная проблема. На первый взгляд может показаться, что между такой постановкой вопроса и пониманием модернизации как качественной, конфликтной и необратимой трансформации общества не так уж много противоречий (именно с позиций философской концепции модернизации мы хотели бы возразить социологическим изысканиям автора). Но при более внимательном рассмотрении между ними обнаруживаются серьезные методологические расхождения. Полагаем, использование метафор «колея» и «перевал» требовало строить исследование на сопоставлении системных характеристик обществ, находящихся на разных ступенях исторического развития, следовательно, привлекать такие конструкты, как «аграрное» и «индустриальное общество», а также «модернизация», понимаемая как трансформация первого во второе. Сама поставленная проблема предполагают рассмотрение вопроса на уровне социальной философии, предлагаемое же исследование является макросоциологическим.

1. К критике экономоцентризма

Оттолкнемся от ключевой для нас позиции. «Вопрос о том, какая сфера самая важная, бессмыслен. Гораздо более продуктивным является вопрос о силе воздействия изменений в одной сфере на изменения во всех остальных сферах, а также вопрос о том, есть ли в какой-либо из сфер некий постоянно действующий «мотор» – движитель, порождающий основную долю исторической динамики и необратимых эволюционных изменений» [1, с. 20]. Первая часть данного утверждения противоречит второй. Если мы рассуждаем над проблемой причин и факторов наиболее значимых социально-исторических трансформаций, как-то: модернизация, неолитическая революция или переход к цивилизации, то вопрос о том, «существует ли постоянно действующий мотор» становится вопросом, «какая сфера самая важная».

Это – продолжение достаточно давней дискуссии между мною и автором, ведущейся на страницах изданий [2–4]. Похожее и значимое для данной дискуссии суждение можно обнаружить и ниже: «Сами сферы ни на что не влияют, они являются только условными областями множества факторов, обладающих некоторой силой воздействия на переменные качества и факторы той же и других сфер» [1, с. 21]. Полагаем, что изменения в экономической сфере, если брать не просто расширение рынков, экономический рост, а именно трансформационные изменения, такие как реструктуризация экономики в сторону производства то-

варов и технологий или возврат к ренте, увеличение численности предпринимательского класса или сокращение, влекут за собой изменение общества во всех сферах. Экономика, на наш взгляд, определяет развитие и историческое состояние общества не только факторами, находящимися в ее сфере (рынки, ресурсы, технологии), но самой своей структурой и характером, поскольку определяет формы социальных отношений в обществе, иначе говоря, социально-экономических отношений. Все, что интересует автора в его макросоциологическом анализе экономической сферы, – это упомянутые рынки, ресурсы и технологии. Отсюда и его, если не негативное, то как минимум скептическое отношение к классическим философским понятиям и подходам, таким как «капитализм» и «феодализм», «аграрное общество» и «индустриальное» и т.д. [1, с. 677 – 693]. Время от времени автор оперирует ими, но избирательно, не учитывая их системных характеристик в своей модели [1, с. 116, 118]. Утверждением, что «сами сферы ни на что не влияют», автор отсекает классическую социальную философию и выдвигает на первый план макросоциологический анализ факторов и тенденций. Экономика как фактор исторического развития сведена здесь к ресурсам, которые либо достаточны, либо не достаточны. Это, по нашему мнению, упрощение экономической сферы и экономического фактора исторического развития общества: экономика в этом анализе рассматривается как сфера, обеспечивающая общество материальным достатком, но не как сфера, где формируются социальные отношения, где формируется само общество.

Отсюда, на наш взгляд, вытекают недостатки практической части исследования: автор обращается к социальным факторам исключительно на уровне макросоциологии. Это соответствует заявленной в названии монографии области знания, но не полностью отвечает поставленной задаче. Так, например, говоря о необходимости повышения конкурентоспособности российской экономики (с чем, безусловно, нельзя не согласиться) его внимание сосредоточено на тех механизмах, которые активизируются на уровне управления. В частности, он пишет об активизации антимонопольной деятельности, о борьбе с коррупцией и проч. К таким методам, разумеется, можно и нужно прибегать, но получить ощутимый результат можно будет только тогда, когда есть более-менее экономически и социально активная часть общества. Она выступит здесь движителем, работе которого препятствуют государственные и естественные монополии, высокий уровень коррупции и т.д. Что делать, если такого активного социального слоя нет или он явно недостаточен для прохождения «перевала»? Именно экономическую и социальную пассивность российского общества мы считаем главным препятствием роста конкурентоспособности российской экономики. Автор указывает на это обстоятельство, но, по-видимому, не считает его главным.

На наш взгляд, единственное, что может изменить ситуацию существенно, – это продолжение реформ и отказ от популистских лозунгов («Россия – социальное государство») и действий. В то же время мы понимаем, что партия или лидер, даже если таковые найдутся и у них обнаружится достаточно власти для проведения этого курса, будут обречены. Своими действиями, равно как и реформаторы 90-х гг., они подпишут себе приговор в политическом смысле. Следовательно, впереди – очередной виток свертывания реформ и стагнации, и здесь срабатывают все закономерности циклического развития, выявленные автором. Само понятие «развитие» здесь не совсем уместно, т.к. нет выхода на новый уровень, а есть топтание на месте. Где же выход? Выход – в полной социальной, политической и культурной трансформации, включая не только государственные и социальные и структуры, но и ментальные и нравственные установки. И это, по-видимому, уже необходимость, если только на выходе из этой катастрофы мы хотим видеть то общество, которое может существовать и развиваться в современном мире. И здесь мы выходим на главное наше с автором расхождение – понимание модернизации не как кратковременного усиления эффективности режима, а как длительной исторической, весьма болезненной и конфликтной трансформации аграрного общества в индустриальное, успех которой отнюдь не предопределен и, разумеется, зависит от множества факторов. Завершить модернизацию означает необратимо сформировать признаки современного индустриального общества во всех его параметрах, общества, способного к ненасильственному воспроизводству в поколениях. Это и означает вырваться из «колеи» исторических циклов и преодолеть «перевал». Автор же стремится выстроить такую стратегию, которая бы привела к выходу на новый уровень развития и позволила бы избежать глубокого социального и государственного распада [1, с. 150 – 151]. Это

невозможно: ни одно из ныне существующих развитых индустриальных обществ не миновало таких потрясений.

«Россия претерпела несколько системных трансформаций, как минимум, превратилась из аграрной и военно-бюрократической империи в индустриальное общество с государственным социализмом» [1, с. 161]. При этом, пишет автор, здесь так и не сложились комплексы самоподдерживающих динамических стратегий, которые благодаря мегатенденции «лифт» произвели бы «русское чудо» подобно европейскому, японскому или современному китайскому. Здесь мы видим, что при таком подходе нет разницы между российским и европейским обществами как обществами развитым индустриальным/постиндустриальным и обществом незавершенной модернизации. Единственное отличие состоит в том, что европейцам, американцам, японцам повезло, а нам нет. Автор рассчитывает на определенное стечение обстоятельств, которое приведет к т.н. «русскому чуду». С нашей точки зрения, проблема существует именно потому, что системные трансформации России, о которых пишет автор, ничего, в сущности, не изменили. Российское общество не стало индустриальным, имея в виду все его необходимые параметры.

Отказ от дихотомии «аграрное/традиционное – индустриальное/современное» носит в работе принципиально-методологический характер. Это связано с критикой попыток осмысления проблем современной России при помощи понятий «модерн», «современная культура», «модернизация». Под флагом борьбы против «манихейства» и «устаревших схем идеологии модерности» [1, с. 191–196], автор отказывается от данных дихотомий, но тем самым он отказывается от их познавательного потенциала. Он утверждает, что следует избегать жестких дизъюнктивных делений ментальности на «хорошие» (прогрессивные, современные) и «плохие» (устаревшие, архаичные) слои [1, с. 195]. Мы полагаем, что при таком условии проблема модернизации не решаема, если только не сводить ее к результату случайно сложившихся обстоятельств, а понимать как качественную общественную трансформацию как формирование принципиально иного социального уклада. Поэтому вполне объяснимо звучит фраза, высказанная в контексте анализа проблем геоэкономики: «модернизация – это дело не только и не столько внутренней экономики страны, сколько изменение ее позиции во внешних геоэкономических взаимодействиях» [1, с. 551]. Такая трактовка будет с восторгом воспринята большинством наших граждан, не проявляющих особой активности для улучшения своего положения. Популизм и безответственность власти, развращавшие российское общество последние десять – двенадцать лет, сделали все для того, чтобы другое понимание модернизации – как интенсификации труда снизу – почти не рассматривалось в современной общественно-политической мысли. С этим связан и коллективный цинизм, не на миг не допускающий, что в основе успехов других стран лежат труд, ответственность и самодисциплина, а не случайность и везение. В методологическом смысле мы имеем здесь дело с почти полным игнорированием внутренней трансформации общества в процессе модернизации. Здесь и обнаруживается наше главное расхождение: то, что автор не считает существенным – внутреннюю трансформацию общества за счет изменения его отношения к труду – для нас есть «альфа и омега» модернизации. Это то, без чего она не происходит.

С этим связаны некоторые рекомендации автора относительно ментальных установок и образцов – автор предлагает не только сохранять, но и использовать «великодержавный дух» русского народа, что вызывает особые возражения. История показывает необходимость кардинального изменения мировоззрения в процессе модернизации. Автор же пишет, что необходимо «признание разнородности, смешения в менталитете разных компонентов, которые можно оценивать по-разному и которые в разных условиях по-разному хороши и эффективны» [1, с. 196]. Ясно, что при этом невозможна никакая типология (аграрное – индустриальное общество, традиционное – современное, экстенсивное – интенсивное), необходимая для решения проблемы модернизации. Автор считает, что нужно «признание сложности, многосторонности ментальной динамики, в которой помимо «модернизации» (прогресса, эволюции) происходят также процессы деструкции, деградации...» [1, с. 196]. Разумеется, есть в динамике и это, но вопрос заключается в том, что является предметом нашего исследования. Если мы ставим проблему трансформации российского общества в какой-то новый тип, более отвечающий вызовам современного мира, нежели имеющийся,

хочешь не хочешь, а придется говорить в рамках «бинарных оппозиций». Конечно, надо знать и иметь в виду разные направленности и характеристики, но за всем этим нельзя игнорировать то, что составляет главную проблему. Кто будет спорить, что сегодня важнее укрепление частной собственности и рост экономической активности и индивидуальной ответственности, чем распространение эгалитаристских, псевдоколлективистических, патерналистски-иждивенческих настроений, являющихся, мы глубоко в этом убеждены, составной частью, содержанием символа «великая Россия»?

Снижение предпринимательской активности по мере роста «державных» настроений видно невооруженным глазом. Во второй половине 2000-х доля традиционалистов в России возросла до 47%, а доля сторонников модернизации снизилась до 20%. Число противников реформ в эти годы вдвое превышало их сторонников [5, с. 304]. Опрос Левада-Центра в 2008 г. показал, что идею «особого пути» разделяли уже 60% респондентов, тогда как «европейский путь» поддерживал лишь каждый пятый [6]. Но значение этих показателей для оценки перспектив модернизации страны нельзя определить, оставаясь на уровне социологии; это можно сделать, только сопоставив их с данными экономического анализа ситуации и пониманием модернизации как экономической интенсификации. Так, по мнению ряда экспертов в конце 90-х – начале 2000-х гг. первое место среди наиболее престижных профессий у молодежи занимало предпринимательство, значительная ее часть (более 50%) была занята в коммерции [5, с. 69]. В последующие годы доля среднего класса снижается, доля в нем предпринимателей сокращается вдвое, число госслужащих, напротив, растет [5, с. 70]. В 2007–2008 гг. социологические исследования показали, что наиболее привлекательной является карьера чиновников. 67–69% респондентов не хотели связывать свою судьбу с бизнесом ни при каких обстоятельствах [7]. Уже одно это – приговор планам нынешней власти по модернизации и развитию инноваций. И происходит эта экономическая деградация (а вместе с ней и технологическая, интеллектуальная, научная, образовательная, культурная) на фоне усиления великодержавных амбиций россиян.

2. Бесконфликтность развития

Отсюда вытекает еще одна черта предлагаемой модели – понимание развития как бесконфликтного. С понятием динамической стратегии, используемым автором для описания механизма циклов российской истории, тесно связаны понятия «мегатенденция «лифт» и «мегатенденция «колодец». Так, мегатенденция «лифт» или «социальный ароморфоз» – это «тренд-структура с контурами положительной связи между тенденциями роста при слабости тормозящих негативных связей» [1, с. 35]. К таким явлениям автор относит «европейское чудо», «японское чудо» и т.д. Как видим из формулировки, под развитием понимается рост, но не говорится о качественной трансформации, равно как, несмотря на глубокий анализ воздействия многочисленных факторов, остается неясной причина трансформации. При таком понимании достаточно, что называется, оказаться в нужном месте и в нужное время, и общество ожидает неминуемый ароморфоз. Это не очень вяжется со всеми, почти непреодолимыми трудностями российского «перевала», которые автор выявляет, тщательно исследует и описывает. Само по себе развитие есть конфликт и результат конфликта. Его первопричина, к какой бы философской концепции мы не прибегали, будь то гегелевская диалектика или тойнбианская формула вызова-ответа, – противоречие.

Даже если брать во внимание приведенные автором примеры – японское или европейское «чудо», они требовали жертв и отказов от привычных стереотипов, огромную конкуренцию и издержки этой конкуренции, это были не просто подъемы, это были трансформации. Надо сказать, что любой экономический рост приходит не сам по себе как результат удачного стечения обстоятельств. Это всегда результат интенсификации человеческого труда, роста активности и всегда вызывает рост социальной напряженности. У автора же под ароморфозом понимается только хорошее: «Адекватный перспективный ответ приводит к социальному резонансу. Этот период общего подъема, энтузиазма, солидарности, высокой активности, желания сотрудничать начинается тогда, когда адекватный перспективный ответ, данный лидирующим актором, удовлетворяет чаяния остальных акторов, влиятельных групп, значительной части населения» [1, с. 61].

Спору нет, в мировой истории наблюдались подобные ароморфозы, но отождествлять это с модернизацией мы бы не стали. Если брать во внимание ключевые прорывы в макросоциальной и исторической трансформации обществ, мы наблюдаем в них далеко не только «общий подъем, энтузиазм, солидарность, высокую активность, желание сотрудничать», но и жесточайшие и глубокие социальные противоречия, следовательно, борьбу и ее издержки. Так, промышленная революция была связана с ликвидацией целого класса крестьян, их обнищанием и пауперизацией, разорением мелких городских торговцев и ремесленников и мануфактуристов. Ускоренная модернизация стран Восточной Азии сопровождалась ростом социальной напряженности, попытками политического, а иногда и силового сопротивления и отходом от провозглашенных принципов либерализма и демократии. Это касается и несвободных режимов. Советский «ароморфоз» (с позиций макросоциологии сложно отрицать успехи сталинской индустриализации), разумеется, сопровождался и «общим подъемом, энтузиазмом, солидарностью», но только тех социальных «акторов», которые остались по окончании эмиграции, гражданской войны и массовых репрессий. И эти войны и репрессии были составной частью данного «ароморфоза», а не болезненным отклонением.

Мы не склонны здесь опровергать выявленные автором закономерности социальных ароморфозов, мы утверждаем только, что мегатенденция «лифт» как результат ряда, порой случайных обстоятельств не есть модернизация как болезненная историческая трансформация, в причинах которой и в процессе протекания заложен конфликт. Ароморфоз может завершиться и полным социальным коллапсом, и истоки этого коллапса могут находиться в самом ароморфозе, включая, например, его нравственные основания. Пример – мегатенденция «лифт» сталинской индустриализации, экономический и политический подъем фашистской Германии. Коллапс может наступить сравнительно быстро, как во втором случае, а может быть и отсроченным, как в первом. И главное – эти подъемы не привели к преодолению «перевала».

«Задача осложняется тем, что движение в сторону перевала вовсе не нужно и даже опасно для правящей группы и для большей части бюрократии, поскольку грозит потерей власти и соответствующей ренты» [1, с. 407]. Здесь мы полностью согласны с автором. Однако конфликтность трансформации здесь все же раскрыта не до конца. Во-первых, мы имеем дело с внеэкономическим господством, а это – характеристика всех доиндустриальных обществ. Во-вторых, рентополучателем в данном случае является не просто большая часть бюрократии, но большая часть общества, что вытекает из структуры современной российской экономики (основные акторы – силовики, бюджетники, пенсионеры, служащие госкорпораций и «естественных монополий»). Мы понимаем, что здесь нас ожидают наиболее ярые возражения (они же трудятся!), но даже в лучшем случае их доходы складываются из дивидендов от проданных сырья и энергоносителей. Поэтому ситуация представляется еще более безнадежной. В преодолении «перевала» не заинтересовано практически все российское общество. В принципе, автор признает это, когда пишет о «сугубо рентных ориентациях большинства населения» [1, с. 412]. Но высказано это за пределами описанных закономерностей.

Отсутствие учета конфликтности развития обнаруживается и при описании «фискально-коррупционного контура и механизма запуска экономического роста» [1, с. 422]. Автор пишет, насколько пагубна для экономики практика силового надзаконного воздействия государства на бизнес. Необходимы повышение открытости, легальности бизнеса, утверждение верховенства права и справедливость судов; решение этой задачи чрезвычайно сложно, оно встречается с «могучим противодействием», но решать ее придется, т.к. «она имеет значимость для национальной экономики, которую переоценить невозможно» [1, с. 422]. Представляется, что автор исходит здесь либо из того, что в России уже есть экономика постиндустриального общества, только она заблокирована рядом политических и административных проблем (коррупция чиновников, неправовой режим, отсутствие независимых судов и т.д.), либо что эта экономика возникает сама по себе благодаря естественному ходу вещей. Для «запуска экономического роста» явно недостаточно ликвидировать административно-правовые препятствия (заметим, мы не спорим с важностью поставленной задачи). Нужно прежде всего запустить сам механизм экономической деятельности, которая, на

наш взгляд, является в конечном итоге деятельностью по преодолению противоречия между ограниченностью ресурсов и неограниченностью потребностей [8, с. 36]. Этой активной деятельности как раз и не наблюдается, либо она имеется в недостаточном количестве, и избираемая обществом модель неправового взаимодействия власти и бизнеса не упала с неба, а является составной частью социальной стратегии. Иначе говоря, «блокирование монополюльно-перераспределительного контура деградации» невозможно путем устранения сопутствующих явлений. Ведущим здесь является низкая экономическая активность населения, выраженная в его «бюджетном» патерналистском сознании, в ожидании раздач, в его потребности мириться и с коррупцией, и с неправовыми действиями властей. Борьба с этим, безусловно, необходимо, но нужно понимать, что это борьба не с причинами болезни, а с ее симптомами.

В силу сказанного мы должны резко выступить против понимания модернизации как часто происходящего в истории многих стран экономического, политического и культурного подъема. Философская концепция модернизации утверждает о наличии процессов, имеющих куда большую общечеловеческую значимость, чем кратковременные усиления эффективности тех или иных социальных систем в тех или иных странах.

3. Ресурсы и историческая динамика

Обратим внимание на то, как срабатывает данное понимание проблемы при анализе ресурсов. С опорой на типологию М. Манна, автор приводит следующие типы ресурсов: организационные, экономические, символические, силовые, социальные [1, с. 51]. Среди них мы не обнаруживаем таких ресурсов, на наш взгляд, первичных, которые только и позволяют существовать обществу именно как обществу. Речь идет о природном ресурсе; экономические же ресурсы представлены как «возможности распределения и обмена благ», т.е. исключительно во внутреннем аспекте их использования, после того, как блага произведены. Макросоциология здесь, равно как и социология в целом, отрывает общество от его природной основы. Предметом их исследования является общество, которое самым сложным образом структурируется, но живет неизвестно как, за счет чего. Оно распределяет и потребляет, но не производит. Производящее и непроизводящее общества оказываются в принципе одинаковыми, разница между ними обнаруживается только в экономических возможностях и уровне потребления. Это видно и из «общей схемы динамического взаимодействия социальных и ментальных структур», представленной автором: «Генетически и онтологически первичными, вероятно, следует считать ритуалы, сообщества и институты. Остальные структуры надстраиваются над ними» [1, с. 52].

Отсюда еще одно серьезное, хотя на первый взгляд и незаметное различие в понимании самого механизма общественного развития. «Именно хронический и невосполнимый ресурсный дефицит истощает и прекращает стратегии, тогда как найденные способы восполнения ресурсов ведут к их трансформации в комплекс динамических стратегий и мега-тенденцию «лифт» с большими историческими эволюционными последствиями» [1, с. 62]. Автор полагает, что развитие – это последствия изменения стратегии, открывающие доступ к новым ресурсам, мы же считаем, что само изменение стратегии как результат трансформации системы – уже и есть развитие.

При этом Н. Розов достаточно часто демонстрирует понимание зависимости темпов и направленности изменений от наличия и состояния ресурсов. Это обнаруживается как из приведенных им цитат других авторов, так и из его собственных строк. «Пока существующая у человека картина мира позволяет ему более или менее эффективно действовать, он не востребует другую. Любая пропаганда альтернативного мировоззрения в периоды стабильности малоэффективна» [1, с. 26]. Автор рассуждает о взаимосвязи «широты души» и экстенсивной направленности, приводит интересное мнение И. Яковенко. «Экстенсивная ориентация – структурная характеристика сознания. Ее носитель ищет бесплатных ресурсов, противостоит рынку как механизму, устанавливающему цены на ресурсы и продукцию. Экстенсивно ориентированный человек не способен оптимизировать трудовую деятельность, снижать потери. Экстенсивная интенция сознания – один из самых мощных блокираторов динамики» [1, с. 220].

Здесь обнаруживается противоречие. Автор использует понятие «ресурсное проклятие» в описании «монопольно-перераспределительного контура деградации», но считает, что «взаимосвязь экстенсивной направленности российского менталитета и территориальных просторов страны вполне очевидна и тривиальна» [1, с. 320]. Представляется, что не столь очевидна (есть множество авторов, полагающих, что избыток территорий и ресурсов – залог успешного развития России) и не столь тривиальна, если только согласиться с тезисом о ключевой роли социально-экономической трансформации в процессе модернизации [9]. Сам Н. Розов подменяет эту важную проблему проблемой политической и институциональной трансформации (преодоление государственного насилия как стратегии развития), и наш взгляд, уходит от истины там, где описывает ментальный механизм сдерживания [1, с. 232]. Мы полагаем, что российское общество молчит, глядя на творимые государством беззакония, не потому, что его главная стратегия – «сохранить накопление и минимизировать тягло» [1, с. 232], а потому что оно, в силу господствующих экстенсивных установок, не способно интенсифицировать свою деятельность. Отсюда возникает негласная договоренность не работать в полную силу, не напрягаться, договоренность как «сверху», так и «снизу». Это касается, собственно говоря, и многих других проблем современной России.

Поэтому выявленные и учтенные в его модели закономерности зависимости исторической динамики от наличия и состояния ресурсов считаем недостаточными [1, с. 108–118]. Автор называет два полюса переменной «ресурсный баланс»: верхний (достаточно ресурсов у государства для выполнения основных функций, народ освобожден от излишних тягот, люди способны своим трудом существенно повысить свое благосостояние) и нижний (острый дефицит ресурсов у государства, обуславливающий неспособность выполнять основные функции, высокая степень политического и экономического угнетения народа) [1, с. 112]. Полагаем, необходимо говорить еще об одном полюсе – об избытке ресурсов. В идеях и понятиях «ресурсного проклятия» и «голландской болезни» многое уже сказано, но автор, судя по всему, не особенно им доверяет. Он отмечает, что избыток ресурсов далеко не всегда является благом для государства [1, с. 111], говорит о негативных последствиях высоких цен на нефть и сырье для современной России, однако, по его мнению, фатальности здесь нет. Мы же полагаем, что данный фактор и вытекающие из него обстоятельства – ключевые. Исходя из понимания модернизации как интенсификации социальной системы во всех ее составляющих [9], мы утверждаем, что такая интенсификация не наступает до тех пор, пока общество не столкнется с фактом конечности ресурсов, обеспечивающих возможность производства в прежней экстенсивной форме. На этом основании мы полагаем, что у современного российского общества отсутствует внутренняя объективная предпосылка модернизации. Мы полагаем также, что обилие легкодоступных ресурсов, каковыми сегодня являются нефть, газ, древесина и проч., действует с необходимостью отрицательно в том случае, если институты не окрепли и новый способ производства еще не получил оформления и легитимации в культурных образцах. Для современной России это как раз и фатально.

Коснемся конкретного исторического примера. Так автор видит механизм взаимодействия ресурсов и динамики общества по отношению ко второй половине XIX века: «При падении цен на зерно главным компенсирующим ответом было увеличение экспортных поставок, что означало рост принуждения – консервацию существующих режимов контроля над основной массой населения – крестьянами. Соответственно улучшение конъюнктуры экспорта давало уверенность и смелость – готовность к реформам, в том числе смягчающим принуждение. Ухудшение конъюнктуры вновь гасило эту смелость и усиливало консервативные охранительные настроения» [1, с. 296]. Мы категорически не согласны с такой трактовкой побуждающего механизма. Как раз напротив, рост доходов приводил к еще большему нажиму на низы, способствовал росту аппетитов элиты, не случайно именно с ростом хлебного рынка связано второе издание крепостничества в странах Центральной и Южной Европы. Это касается и других эпох и режимов. Мировой экономической кризис 1929 г. и, как его следствие, некоторое улучшение позиций СССР на мировой арене склонили чашу весов к сталинской модели индустриализации. Энергетический кризис 70-х гг. в конечном итоге привел индустриально развитые страны к информационной революции, а советскую экономику, на первый взгляд, оказавшуюся в выигрыше, посадил на «газово-нефтяную иглу». Распространяя логику автора на анализ ситуации конца XX века в России, мы будем вы-

нуждены (как и сам автор) отрицать прогрессивность изменений в 80-90-х гг., как в экономической, так и политической сферах [1, с. 296]. Перестройка – конечно кризис, но кризис изжившей себя системы; для общества в целом – это обновление, стимулом к чему послужил обвал цен на нефть на мировом рынке.

Именно поэтому, прочитав главу «Воздействие экосоциальной динамики, геоэкономики и геокультуры» [1, с. 291–310], важнейшей закономерности воздействия ресурсов и территорий на историческое развитие мы не обнаруживаем. Эта закономерность раскрыта как прямая – уже вводя в проблему [1, с. 291], автор намечает путь, идя по которому невозможно обнаружить дефицит ресурсов как положительный фактор развития. Он анализирует систему взаимодействия «ресурсы – общество» в логике «много ресурсов – много развития». Дефицит ресурсов (малоземелье, рост народонаселения и т.п.) рассматривается как кризисогенный фактор [1, с. 291], но кризис – узловой момент циклического механизма – не рассматривается как причина развития/трансформации. И именно потому, что данная схема описывает механизм взаимодействия изолированно существующего общества, имеющего в своем распоряжении некие готовые ресурсы.

4. Механизм развития общества

При всем высоком качестве проведенного исследования вопрос о механизме развития общества, если под развитием понимать необратимое и прогрессивное изменение его структуры – остается открытым. Проследим ход мысли автора в пункте «Искусственное и естественное в динамике социальных режимов» [1, с. 459–460]. Автор приводит две крайние трактовки причин крупных социальных сдвигов – инструменталистский подход (характерен для реформаторов-государственников, делающих ставку на искусственное вмешательство в социальный механизм посредством введения новых законов и институтов) и органический (характерен для консерваторов, отождествляющих развитие с естественным появлением снизу новых форм, их «произрастанием»). Оба варианта отрицаются как неправильные, а правильный ответ выводится из их суммирования: «все крупные социальные сдвиги, ведущие к развитию и более эффективным режимам включали сочетание и перемежение осознанных «искусственных» стратегий, управления и «естественных» процессов роста и развития» [1, с. 460]. Мы оставляем в стороне вопрос о том, могут ли два неверных ответа в сумме дать один верный. Мы констатируем, что искомый механизм саморазвития общества здесь так и не назван. Нужно задать законный вопрос – даже если есть в социальной «природе» «естественный» рост, откуда он берется? Когда автор перечисляет необходимые условия преодоления перевала (достижение консенсуса в обществе, наличие относительно автономных центров силы, элиты развития и активных людей) он берет проблему на социологическом уровне. По мнению автора, системные требования, позволяющие вырваться из колеи исторических циклов, таковы: резкое повышение гибкости элит, расширение альтернатив ответов на вызовы, уход от вертикальных стратегий подавления и принуждения к горизонтальным стратегиям переговоров и сотрудничества, преодоление социальных и культурных расколов, развитие общенациональной солидарности через примирение с разнообразием, реформирование режимов и институтов посредством переговоров [1, с. 83]. Как видим, здесь нет главного – интенсификации функционирования социальной системы, прежде всего экономической интенсификации. Если не будет интенсификации самой социальной системы, причем интенсификации снизу, через индивидуальную ответственность и трудовую активность, все перечисленные условия будут попросту невостребованными (каковыми они, собственно, и являются в нынешней российской действительности).

Автор будет прав в том случае, если имеется вызов и адекватный ответ на него широких социальных слоев. Вызовом является неэффективность прежнего социального режима в удовлетворении базовых потребностей, а адекватным ответом – удовлетворение этих потребностей более интенсивным, качественным, эффективным трудом и его организацией, следовательно – объективная социальная трансформация. В этом случае реформы, проводимые сверху, будут востребованы и возникнет эффект ароморфоза, перехода на новый уровень и его закрепление в праве, культурных образцах, менталитете. Если же нет вызова, а тем более, адекватного ответа, реформы превращаются в то, что не востребовано обществом, в нелегитимные действия власти, которая хочет выжать из общества то, чего в нем

нет. Ситуация в современной России представляется безнадежной. Отсутствует 1) ситуация вызова, что обусловлено беспрецедентными ценами на сырье и ресурсы на мировом рынке, отсутствуют 2) предпосылки адекватного ответа на гипотетический вызов – позитивно мобилизующие ценности, главными из которых являются честный труд, этика индивидуальной ответственности, гражданская и политическая активность. Какие же реформы могут стать реальными шагами к развитию? Полагаем, только те, что спровоцируют ситуацию нового вызова, т.е. поставят общество перед необходимостью самостоятельного экономического выживания. И здесь успех далеко не гарантируется, т.к. отсутствует второе условие. Но это будет хотя бы шаг в нужном направлении, а не обратная по своему вектору популистская великодержавная политика «социального государства».

Очень убедительно и максимально близко к нашей позиции звучит следующее: «Задача модернизации российского общества ставится как задача перехода от «нездорового равновесия» – рентоориентированного социального режима к «здоровому» равновесию – производящему и развивающему социальному режиму» [1, с. 486]. Именно эту большую и трудную проблему автор обозначает метафорой «перевал», «выход из колеи». Нельзя сказать, что автор не понимает глубины и сложности этой задачи – об этом говорится в книге неоднократно. Но мы полагаем, что и здесь нет полного раскрытия всей сложности проблемы, и для этого имеются методологические причины. Смысл в том, что движение по «здоровому» пути требует куда больше экономических усилий, труда, усердия и самодисциплины, нежели по порочному кругу простого воспроизводства ренты. И здесь главное – мы убеждены в том, что пока имеется возможность ренты (колоссальные природные ресурсы России и стабильно высокие цены на них на мировом рынке) общество и его акторы не перейдут к новому, более трудному типу социального взаимодействия. В силу закона *минимальной трансформации социальных систем в процессе модернизации* это может произойти только в результате серьезного социо-экологического вызова [9]. Общество инертно по своей природе, оно меняет свои формы в сторону усложнения (а модернизация – это и есть усложнение) только под действием необходимости и никак иначе.

Резюмируя, можно сказать, что необходим не отказ от классических конструктов социальной философии с выдвиганием на первый план и абсолютизацией методов макросоциологии, а их синтез. Работа автора обозначена как макросоциологическое исследование, но само по себе, в изоляции от социальной философии она не может решить поставленной задачи выявления «механизма порождения» циклов российской истории. Проводя свой социологический анализ, автор отвергает концепцию модернизации, относящуюся к области социальной философии. Этот принципиальный отказ является ключевым противоречием, закрывающим дорогу к решению проблемы. Из-за него изыскания автора имеют значение для решения проблем общества, уже идущего по пути модернизации, но, к сожалению, ничего не говорят об объективных причинах наступления данного процесса. Время от времени автор обращает внимание на теорию модернизации, но это напоминает скорее извинительные жесты: «примитивная линейная схема теории модернизации может и должна критиковаться, но с грязной водой нельзя выбрасывать и ребенка – представление об эволюции, уровнях развития и иерархии обществ по тем или иным параметрам» [1, с. 689]. Мы вынуждены констатировать, что как раз при анализе проблем развития России автор книги действовал наоборот. Объявленная примитивной теория модернизации использовалась исключительно терминологически, а вот анализ российского общества как стоящего на более низкой, чем развитые индустриальные страны, ступени структурной организации здесь отсутствует. Все использованные автором познавательные схемы есть схемы социологические, т.е. показывающие общество в исторической статике. Они нужны, они, безусловно, полезны, но их явно недостаточно для того, чтобы решить проблему модернизации России.

Заключение

Несмотря на указанные замечания, носящие, безусловно, дискуссионный характер, книга Н. Розова представляет собой исследование, которого давно ждали. Представленный уровень и широта обобщения позволяют этой работе претендовать на некое подведение итога развития научных и общественно-политических теорий современной России. В равной мере можно говорить о том, что она открывает дорогу в качественно новый научный

этап изучения проблем российского общества. Это не означает, что российское обществознание не было научным в подлинном смысле, это означает, что путь, указанный автором, есть путь отказа от идеологической нетерпимости, путь научного диалога взаимно заинтересованных, хотя и непримиримых на мировоззренческом уровне сторон.

Пойдет ли по этому пути современная российская социогуманитарная мысль – вопрос, мало зависящий от автора. На наш взгляд, он напрямую связан с главным вопросом, поднимаемым в его книге: преодолет ли наше общество намеченный перевал или вновь свернет в колею. Здесь наш прогноз неутешителен, мы не верим в успех именно на основании того, в чем диаметрально расходимся с автором: история творится не на страницах книг и не в нашем сознании, а в реальных социальных отношениях. Проводимое автором понимание истории как непрерывно изменяющихся вариантов развития событий, понимание будущего как «сада возникающих тропок» и вытекающая из этой онтологии этика активности индивида очень нам импонируют. При всем желании разделить надежду автора на благоприятный исход, наше собственное понимание истории как строго детерминированного процесса не позволяет ожидать, что «тропинка», намеченная одним, пусть даже очень талантливым мыслителем, может вывести из исторического тупика целую страну.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Розов Н.С.* Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2011. 735 с.
2. *Розов Н.С.* Социальная философия – это догма или оружие против догмы? (к вопросу о многофакторности исторической динамики) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 1. С. 38–42.
3. *Трубицын Д.В.* Идея «многофакторности» исторического процесса и проблема модернизации Востока (Н.С. Розов, Л.С. Васильев, В.А. Зарин) // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2007. № 1. С. 70–74.
4. *Трубицын Д.В.* «Мегатенденции мирового развития» или «модернизация»: методологическая дилемма // Полис. 2010. № 6. С. 76–89.
5. *Шнурельман В.А.* Порог толерантности. Идеология и практика нового расизма. Т. II. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 856 с.
6. Будущее России и «особый путь развития» // Левада-Центр. 2008. 29 января (<http://www.lewada.ru/press/2008012903.html>).
7. Предпринимательство // Левада-Центр. 2007. 10 декабря (<http://www.lewada.ru/press/2007121001.html>).
8. *Макконнелл К.Р., Брю С.Л.* Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т.: Пер. с англ. Т. I. М.: Республика, 1992. 399 с.
9. *Трубицын Д.В.* Модернизация России и стран Востока: опыт философской интерпретации. Новосибирск: Наука, 2010. 367 с.